

Санкт-Петербургская
православная духовная академия
Архив журнала «Христианское чтение»

П.В. Левитов

Тело и его судьба с христианской точки зрения

*Опубликовано:
Христианское чтение. 1910. № 5-6. С. 769-780.*

© Сканирование и создание электронного варианта:
Санкт-Петербургская православная духовная академия
(www.spbda.ru), 2009. Материал распространяется на основе
некоммерческой лицензии [Creative Commons 3.0](https://creativecommons.org/licenses/by/3.0/) с указанием
авторства без возможности изменений.

СПбПДА
Санкт-Петербург
2009

Тѣло и его судьба съ христіанской точки зрѣнія *).

В послѣднее время среди богослововъ начинаетъ пользоваться все большимъ и большимъ сочувствіемъ еще одна теорія воскресенія, высказанная еще Григоріемъ Нисскимъ. Такъ по мнѣнію проф. Несмѣлова, человѣкъ въ моментъ разрушенія міра создастъ себѣ новое тѣло своею собственною творческою силою. Тѣло это будетъ аналогично прежнему, хотя и станетъ превосходить его по своимъ качествамъ. Изъ какого матеріала оно будетъ составлено, этотъ вопросъ для насъ безразличенъ: можетъ быть въ него войдутъ тѣ элементы, которые были въ земномъ тѣлѣ, а можетъ быть совершенно иные.

Данное предположеніе устраняетъ тѣ трудности, съ которыми связаны два предшествующія. Но и оно, быть можетъ, вслѣдствіе своей оригинальности и непривычности для мысли, способно вызывать нѣкоторыя возраженія. Если, говорятъ, человѣкъ воскреснетъ не съ своимъ тѣломъ земнымъ, а съ какимъ-то инымъ, созданнымъ особою творческою силою, то загробное воздаяніе не будетъ полнымъ. Во время земной жизни тѣло принимало участіе во всѣхъ дѣлахъ человѣка, какъ добрыхъ, такъ и злыхъ; оно испытывало грѣховныя наслажденія; оно же и терпѣло страданія вслѣдствіе борьбы съ собою, самопожертвованій и самоотреченія. Законъ правды будто бы требуетъ, чтобы *та самая* плоть, которая подвизалась на поприщѣ грѣха и добродѣтели, въ будущей жизни вкушала удовольствія или мученія. Иначе не было бы единства и тождества субъекта дѣятельности и вмѣненія.

*) Окончаніе. См. апрѣль.

Но если признавать необходимымъ, чтобы непременно то же самое тѣло, которое принимало участіе въ дѣятельности человѣка на землѣ, мучилось или блаженствовало на небѣ, то нужно требовать, чтобы каждый человѣкъ по воскресеніи получилъ снова всю ту массу матеріи, которая послѣдовательно входила въ его организмъ съ момента рожденія и до смерти, а между тѣмъ это требованіе, какъ мы старались доказать, совершенно неудобопріемлемо для разума. Затѣмъ данный взглядъ основывается на томъ наивномъ представленіи о тѣлѣ, по которому оно 1) можетъ радоваться или страдать, 2) быть субъектомъ дѣятельности и отвѣтственности. На самомъ дѣлѣ оно само по себѣ никакихъ ощущеній испытывать не можетъ. Послѣднія иногда вызываются тѣломъ, но принадлежатъ нашему сознающему духу. Плотскія грѣховныя наслажденія испытываются все же нашей душою, хотя и по поводу тѣхъ или иныхъ физиологическихъ раздраженій. Равнымъ образомъ лишь въ переносномъ смыслѣ можно говорить о виновности въ чемъ либо тѣла и необходимости для него именно подвергнуться наградѣ или наказанію. Въ дѣйствительности оно въ той же мѣрѣ не можетъ быть субъектомъ отвѣтственности, какъ и носимая человѣкомъ одежда. Способность самоопредѣленія принадлежитъ только свободной человѣческой личности, которая и должна получить соотвѣтствующую мзду въ будущей жизни. Для полноты этой мзды самое большее можно требовать того, чтобы люди по воскресеніи испытывали не духовныя только, но психо-физическія радости и наслажденія (и, конечно, что бы таковыя относились къ тому же самому субъекту, который заслужилъ ихъ тѣмъ или инымъ поведеніемъ на землѣ), въ нѣкоторомъ соотвѣтствіи съ получаемыми ими въ земной жизни, но никакъ не того, чтобы эти муки и удовольствія вызывались раздраженіями тѣхъ же самыхъ матеріальныхъ частицъ, которыя входили въ составъ тѣла человѣка въ различные періоды его жизни.

Указываютъ на то, что разбираемая теорія воскресенія не даетъ полнаго удовлетворенія сердцу человѣка. Если каждый изъ насъ воскреснетъ не съ своимъ собственнымъ тѣломъ, то мы, прощаясь съ умершимъ родственникомъ или другомъ, навѣки расстаемся съ его матеріальной оболочкой. А между тѣмъ она намъ такъ дорога, мы такъ къ ней привязаны, такъ ее любимъ. Наше чувство неразрывно относилось къ физическому и къ духовному облику дорогого лица. Въ нѣкоторыхъ

случаяхъ, какъ на примѣръ при любви между лицами разнаго пола, привязанность къ плоти даже перевѣшиваетъ привязанность къ душѣ. Влюбленному, лишившемуся обожаемой дѣвушки, хотѣлось бы снова увидѣть ее такой, какой онъ зналъ ее здѣсь на землѣ; его не утѣшитъ мысль о какомъ-то новомъ тѣлѣ, которое будетъ создано ея душой за предѣлами гроба. Его сердце жаждетъ воскресенія той самой плоти, которою онъ любовался въ счастливѣйшіе моменты своей земной жизни.

Съ точки зрѣнія наивнаго чувства, можетъ быть, это и такъ. Но совершенно иначе представляется дѣло для развитаго разума и просвѣтленнаго разумомъ сердца. А между тѣмъ критеріемъ истинности той или другой теоріи слѣдуетъ считать ея соотвѣтствіе съ требованіями логической мысли, а не нашимъ слѣпымъ желаніемъ, часто основаннымъ на непониманіи дѣла.

Вѣдь предметомъ нашей любви является не сама по себѣ матеріальная масса нашего тѣла, постоянно мѣняющаяся въ своемъ составѣ. Оно дорого намъ лишь постольку, поскольку на немъ лежитъ печать духа, которымъ онъ созидается и который въ себѣ отражаетъ. Но эта печать сохранилась и на тѣлѣ будущаго вѣка, хотя бы оно и было вновь сотворено изъ иныхъ элементовъ. Его структура будетъ какъ разъ соотвѣтствовать духовной индивидуальности человѣка не въ меньшей, а скорѣе даже въ большей степени, чѣмъ соотвѣтствуетъ теперь. Слѣдовательно, то, что мы признаемъ въ тѣлѣ умирающаго цѣннымъ, останется въ немъ и по воскресеніи. Изъ него будутъ удалены лишь тѣ элементы, которые сами по себѣ всегда мертвы, постоянно уходятъ изъ человѣческаго организма и снова въ него возвращаются.

Ссылаются на примѣръ Спасителя, воскресшаго съ тѣмъ же самымъ тѣломъ, съ которымъ Онъ былъ положенъ во гробъ. Но примѣръ этотъ съ разсматриваемой стороны не даетъ намъ права на какія бы то ни было заключенія. Вѣдь тѣло Христа не подвергалось тлѣнію и не вступило, по смерти Его, въ общій круговоротъ міровой жизни. Естественнo было, поэтому, для Исуса возстать изъ мертвыхъ именно съ Своею пречистою плотію, распятою и погребенною въ землѣ. Тѣхъ препятствій, которыя не дозволяютъ намъ допустить тожество воскресшихъ тѣлъ съ умершими, въ данномъ случаѣ не существуетъ. Примѣръ возстанія Христова можетъ развѣ лишь склонить насъ

къ тому предположенію, что люди, оставшіеся въ живыхъ ко времени страшнаго пришествія, сохранять свои собственныя тѣла, хотя и измѣненныя примѣнительно къ условіямъ жизни на новой землѣ и новомъ небѣ.

Слова Спасителя: «*сущіе во гробѣхъ* услышатъ гласъ Сына Божія и изыдутъ», а равно и выраженіе ап. Павла: «подобаетъ тлѣнному *сему* облещися въ нетлѣніе и мертвенному *сему* облещися въ безсмертіе» будто бы съ рѣшительностью указываютъ на возстаніе человѣка съ тѣмъ самымъ тѣломъ, съ которымъ онъ былъ положенъ въ могилу. Но такое заключеніе, по нашему мнѣнію, вовсе нельзя признавать необходимымъ. Слова Христовы уже по тому одному нельзя понимать буквально, что ко времени второго пришествія мертвые не будутъ лежать «во гробѣхъ», ихъ тѣла разсѣются по всему міру и будутъ находиться далеко отъ ихъ первоначальной могилы. Смыслъ даннаго мѣста, очевидно, тотъ, что не иные какіе люди, а тѣ самые, которые умираютъ и трупъ которыхъ полагается во гробѣ, воскреснутъ для будущей жизни. Ими лишь утверждается, слѣдовательно, тожество субъекта смерти и воскресенія, а субъектомъ является душа, личность человѣка, а не его тѣло. Подобнымъ же образомъ можно изъяснять и выраженіе апостола языковъ. «Подобаетъ тлѣнному *сему* облещися въ нетлѣніе», т. е. необходимо, чтобы человѣкъ, имѣющій *перстное* тѣло, замѣнилъ его болѣе совершеннымъ, легкимъ и небеснымъ. Можно толковать эти слова и нѣсколько иначе въ примѣненіи именно къ тѣлу умершаго. Въ такомъ случаѣ въ нихъ слѣдуетъ вложить такой смыслъ: должно, чтобы тлѣнное тѣло *замѣнилось* тѣломъ нетлѣннымъ и мертвенное *замѣнилось* безсмертнымъ. А какъ произойдетъ эта замѣна: путемъ ли превращенія стараго тѣла въ новое, или же путемъ созданія послѣдняго, объ этомъ св. апостоль умалчиваетъ. Правда изъясняя такъ приведенныя мѣста изъ св. писанія, мы прибѣгаемъ къ несобственному толкованію, но къ нему, вслѣдъ за св. отцами и учителями церкви, постоянно приходится обращаться экзегетамъ слова Божія.

Тотъ же апостоль сравниваетъ тѣло человѣка съ зерномъ, сгнивающимъ въ землѣ и затѣмъ произрастающимъ. Но, говорятъ, стебель происходитъ изъ того же самаго зерна, которое полагается въ землю. Слѣдовательно, и тѣло воскресшаго человѣка должно имѣть генетическую связь съ тѣломъ умершаго.

Но, прежде всего, апостоль пользуется сравненіемъ воскре-

сенія съ произрастаніемъ зерна лишь какъ аналогіей. А аналогія никогда не бываетъ точной во всѣхъ отношеніяхъ. Иначе она превратилась бы въ тожество. Если Спаситель уподобляетъ царство небесное зерну горчичному или квасу, Себя Самого пастырю, людей овцамъ, ангеловъ жнецамъ и т. д., то это не значить, что сравниваемые предметы и явленія совершенно одинаковы, а значить лишь то, что между ними есть нѣкоторыя сходныя черты или даже одна черта, могущая въ данномъ случаѣ уяснить дѣло. Сопоставляя воскресеніе съ произрастаніемъ зерна, апостолъ хотѣлъ приблизить эту истину къ пониманію слушателей. Они никакъ не могли себѣ представить, чтобы человѣкъ, тѣло котораго сгнило, могъ снова обладать имъ въ будущей жизни. Св. Павелъ указываетъ имъ на подобное же чудо въ природѣ. Зерно, брошенное въ землю, повидимому, погибаетъ. Но изъ него вырастаетъ иногда могучее дерево. Если *это* возможно, то почему не допустить и воскресенія человѣка по тѣлу, хотя бы послѣднее и уничтожилось въ могилѣ.

Затѣмъ, если даже требовать точности приведенной аналогіи, то и тогда она скорѣе говорить въ пользу нашего пониманія воскресенія, нежели традиціоннаго. Дерево имѣетъ генетическую связь съ зерномъ, но оно вырастаетъ собственно не изъ зерна, какъ агрегата извѣстныхъ матеріальныхъ элементовъ, а развивается своею собственною внутреннею силою, которая и уподобляетъ себѣ окружающую среду, впитывая изъ нея нужные соки. Ни одинъ изъ тѣхъ атомовъ, которые заключались въ зародышѣ, не сохраняется въ зрѣломъ растительномъ организмѣ. Въ немъ все, рѣшительно все *новое*, созданное *изнутри*, при помощи матеріала, доставляемаго извнѣ. Сходство между зерномъ и деревомъ заключается лишь въ тожествѣ жизненной силы и въ единствѣ типа того и другого. Но такое сходство, несомнѣнно, будетъ и между тѣлами людей умершаго и воскресшаго, такъ какъ послѣднее будетъ создано тѣмъ же самымъ человѣкомъ, которому принадлежало первое.

По своимъ качествамъ тѣла умершихъ людей будутъ частію сходны съ тѣлами живущихъ, частію отличны отъ нихъ. При этомъ одни изъ этихъ качествъ будутъ принадлежать всѣмъ людямъ, другія только нѣкоторымъ.

Тѣло человѣка, по воскресеніи, будетъ дѣйствительнымъ тѣломъ, слѣдовательно, матеріальнымъ. Какъ таковое, оно должно обладать всѣми свойствами матеріи онтологическими и

гносеологическими. Къ первымъ относятся: пространственность или протяженность, непроницаемость, дѣлимость, скважность, вѣсомость; ко вторымъ: цвѣтъ, вкусъ, плотность и запахъ. Впрочемъ вѣсомость тѣлъ, опредѣляемая въ настоящее время извѣстнымъ устройствомъ земли и всей вселенной, вмѣстѣ съ преображеніемъ міра, можетъ измѣниться. По крайней мѣрѣ въ словѣ Божиюмъ есть намеки на то, что тѣла праведниковъ будутъ болѣе легкими, эластичными и подвижными сравнительно съ нашими теперешними тѣлами. Вообще сохранятся неизмѣнными тѣ качества человѣческаго организма, которыя имѣютъ метафизическій (объективный) характеръ, существуя независимо отъ нашего ума и нашихъ чувствъ и безъ которыхъ тѣло перестало бы быть тѣмъ, что оно есть, т. е. тѣломъ. Что же касается свойствъ гносеологическихъ (субъективныхъ), то они, хотя и будутъ принадлежать воскресшимъ людямъ, но могутъ носить совершенно иной характеръ, чѣмъ какой носятъ теперь. Кромѣ того, воскресшія тѣла будутъ имѣть и такія качества, которыя антологически свойственны имъ и въ настоящее время, но скрыты отъ насъ вслѣдствіе ограниченности нашего чувственного познанія. Какъ слѣпорожденный ничего не знаетъ о цвѣтахъ, такъ и мы теперь не можемъ представить себѣ многого изъ того, что присуще внѣшнему міру вообще, нашему тѣлу въ частности. Въ будущей же жизни, вмѣстѣ съ общимъ развитіемъ человѣка, раскроются его физическія и духовныя очи, въ безчисленное количество разъ утончатся всѣ органы чувствъ, и онъ увидитъ въ окружающемъ его матеріальномъ бытіи, а равно и въ своемъ собственномъ тѣлѣ, такія дивныя качества, о которыхъ раньше не имѣлъ никакого понятія.

Тѣла воскресшихъ людей будутъ аналогичны тѣламъ живущихъ на землѣ не только по матеріальному составу, но и по своему строенію, по своей формѣ. Каждый человѣкъ сохранитъ типъ своего земного тѣла, по которому родные и знакомые тотчасъ же будутъ узнавать другъ друга. И это вполне понятно. Новое тѣло станетъ создавать себѣ тотъ же человѣкъ, который покинулъ старое; естественно, что на немъ отразится его духовная индивидуальность, печать которой лежала на организмѣ и во время земной жизни. Единство духовной фізіономіи перстнаго и небснаго человѣка повлечетъ за собою сходство и фізіономіи тѣлесной.

Нужно полагать, что наша внѣшность за предѣлами гроба

будетъ еще болѣе типична, чѣмъ въ настоящее время. Пока мы живемъ на землѣ, хорошее и дурное въ насъ перемѣшано. Нѣтъ такого человѣка, въ которомъ погасла бы искра добра, и нѣтъ такого, въ которомъ не было элементовъ зла. Наша воля еще не имѣетъ опредѣленнаго, строго установившагося направленія, которое могло бы, такъ сказать, застыть на нашемъ лицѣ. Последнее принимаетъ то симпатичное, то антипатичное выраженіе, то озаряется свѣтомъ вдохновенія, согрѣвается тепломъ любви, то искажается отъ гнѣва и другихъ злобныхъ аффектовъ. Равнымъ образомъ нѣтъ людей, живущихъ исключительно высшею идейною стороною духа, и нѣтъ людей совершенно пошлыхъ, равнодушныхъ къ истинному и прекрасному. Отсюда и фізіономія каждаго изъ насъ временами становится осмысленной и одухотворенной, временами плотной, отвратительно чувственной и гнусной. Послѣ смерти каждый самоопредѣляетъ себя въ сторону добра или зла, истины или лжи, окончательно кристаллизуется, пріобрѣтаетъ опредѣленный моральный обликъ. Онъ или дѣлается подобнымъ ангеламъ, устремляясь душою своею впередъ къ идеалу совершенства и находя въ добрѣ свое высшее счастье, или же низвергается въ пучину зла, начиная служить исключительно діаволу, пріобрѣтая злобно дьявольское настроеніе. Въ первомъ случаѣ на его лицѣ станетъ отражаться печать духовныхъ совершенствъ, во второмъ на немъ будетъ лежать Каинова печать боготступничества и безсильной злобы. Такимъ образомъ, тѣла праведниковъ въ будущей жизни станутъ казаться намъ еще болѣе привлекательными, чѣмъ они были на землѣ, тѣла грѣшниковъ, наоборотъ, станутъ вызывать отвращеніе и гадливость.

Творецъ создалъ человѣка совершеннымъ и по тѣлу. Оно было облечено крѣпостью, не знало болѣзней, изнеможенія и увяданія. «Богъ смерти не сотвори», «созда человѣка въ неистлѣніе». Но ядъ грѣха заразилъ не только духовную, но и физическую нашу природу. Въ нее было внесено ядоносное начало тлѣнія, старчества и болѣзней. Различныя органическія функціи, какъ на примѣръ, питанія и размноженія, вслѣдствіе примѣси къ нимъ патологическаго элемента, получили эстетически непріятный характеръ. Борьбу противъ слѣдствій грѣхопаденія вообще и по отношенію къ тѣлу въ частности ведетъ еще здѣсь на землѣ Церковь Христова. Но результатъ этой борьбы въ полной мѣрѣ обнаружится только въ царствѣ

славы на новомъ небѣ и новой землѣ, когда упразднится послѣдній врагъ земнородныхъ — смерть, и когда Богъ будетъ всяческая во всѣхъ. Тогда и физическая наша природа будетъ возстановлена въ своемъ первоначальномъ блескѣ. Тѣло сдѣлается нетлѣннымъ и безсмертнымъ, никогда не старѣющимъ, но всегда юнымъ, чуждымъ какихъ бы то ни было болѣзней, свободнымъ отъ всѣхъ отвратительныхъ функций, одухотвореннымъ, просвѣтленнымъ и вообще эстетически прекраснымъ. Такое преображеніе нашего плотскаго организма и его качествъ въ будущей жизни подробно изображается въ словѣ Божиемъ (Фил. 3, 21; I Солун. 4, 17; I Кор. 15, 42, 44, 53 — 54; Апок. 7, 16) и у свят. отцевъ церкви. Такъ Епифаній Кипрскій сравниваетъ тѣло наше, опускаемое въ могилу, съ кускомъ матеріи, отдаваемой для чистки бѣлизнику. Какъ изъ куска матеріи по выходѣ изъ станка бѣлизника, исчезаютъ всѣ прежнія, грязнившія его пятна и другія несовершенства, такъ точно и въ тѣлѣ по выходѣ изъ могилы, какъ изъ станка бѣлизника, не останется ничего, нынѣ возмущающаго и унижающаго его. А по словамъ Іоанна Златоуста «Богъ разрушаетъ наше тѣло, намѣреваясь создать его снова, и сперва выводитъ живущую въ немъ душу, какъ бы изъ какого дома, дабы потомъ, воздвигнувъ его въ лучшемъ видѣ, опять ввести въ него душу съ большею славою. Если у кого статуя испортилась отъ ржавчины и отъ времени, и многія части ея отвалились, то онъ, разбивъ ее, бросаетъ въ горнило и, тщательно переплавивъ, дѣлаетъ ее лучшею. И какъ разрушеніе такой статуи въ горнилѣ не есть уничтоженіе ея, но возобновленіе, такъ и смерть нашихъ тѣлъ не есть уничтоженіе, но обновленіе ихъ. Но и этою стороною примѣра не довольствуйся, но простирайся умомъ къ болѣе важному. Ваятель, ввергая въ горнило мѣдное тѣло, получаетъ оттуда статую не золотую и безсмертную, но дѣлаетъ ее такою же мѣдною; а Богъ, ввергая въ землю тѣло перстное и смертное, возвращаетъ тебѣ статую золотую и безсмертную; ибо земля, принявъ тѣло смертное и тлѣнное, возвращаетъ его нетлѣннымъ и безсмертнымъ.

Примѣчаніе.

Для обезпеченія физической природы человѣка въ св. Писаніи употребляются три термина: прахъ или персть (греч. *χώρα*), тѣло (*σῶμα*) и плоть (*σὰρξ*).

Первымъ словомъ называется то вещество, изъ котораго

составленъ человѣческій организмъ, внѣ его связи съ душою. Оно употреблено, на примѣръ, Моисеемъ при разсказѣ о сотвореніи человѣка: «и созда Богъ человѣка, персть вземъ отъ земли». Этотъ терминъ прилагается и къ трупу умершаго, лишенному живительной силы, и вслѣдствіе этого разлагающемуся на свои составныя части. «И возвратится персть въ землю, яко же и бѣ», говоритъ Экклезіастъ, отгнѣняя въ данномъ случаѣ матеріальное происхожденіе тѣла и вытекающую отсюда его судьбу (возвращеніе въ свое первобытное состояніе) и противопоставляя таковую судьбѣ духа, происшедшаго отъ Бога и отходящаго къ Богу. Со словомъ *персть* въ библии не соединяется какого бы то ни было въ собственномъ смыслѣ этического колорита, но все же къ нему примѣшивается нѣкоторый отгнѣнокъ пренебреженія. Въ широкомъ смыслѣ *перстью* иногда называется и весь человѣкъ съ душою и тѣломъ. (Быт. 18. 27), называется для указанія его ничтожества, пустоты и скоропреходимости его существованія. Въ такомъ случаѣ какъ бы забывается о высшей сторонѣ его природы, о томъ, что онъ созданъ по образу Божію и вслѣдствіе этого «громамъ повелѣваетъ», какъ царь и Богъ, а вниманіе обращается исключительно на то, что по своему тѣлу онъ «въ прахъ истлѣваетъ» какъ червь, происшедши изъ земли и снова возвращаясь въ землю.

Такимъ образомъ терминомъ *прахъ* обозначается агрегатъ тѣхъ элементовъ, изъ которыхъ состоитъ человѣческое тѣло, внѣ ихъ связи съ одушевляющимъ ихъ психическимъ началомъ. Существенный признакъ, отгнѣняемый въ этомъ понятіи, есть признакъ мертвенности.

Σψα указываетъ на совокупность всѣхъ свойствъ человѣческаго тѣла, безразлично мертваго или живого,—свойствъ антологическихъ и гносеологическихъ: протяженности, дѣлимости, непроницаемости, скважности, извѣстнаго цвѣта, запаха, фигуры, плотности, вкуса. Съ этимъ терминомъ ассоціируется представленіе о тѣхъ свойствахъ человѣческаго организма, которыя 1) общее у него съ камнемъ, деревомъ, кускомъ металла—словомъ, всѣми неодушевленными предметами (отсюда, быть можетъ, общность термина для обозначенія физическаго тѣла и тѣла человѣка), 2) обуславливаются его анатоміей и физикой. Что же касается свойствъ человѣческаго тѣла, какъ живого организма, свойствъ, опредѣляемыхъ его физиологіей,

различными процессами и отправлениями, то они въ понятіи, выражаемомъ словомъ *σῶμα* остаются въ тѣлѣ.

Терминъ *σῶμα* съ этической точки зрѣнія является абсолютно нейтральнымъ. Къ нему не примѣшивается ни положительнаго, ни отрицательнаго моральнаго колорита. Не соединяется съ нимъ и того оттѣнка пренебреженія, который, какъ мы видѣли присущъ термину *πρᾶξ*. Нѣтъ въ немъ и намека на мертвенность или живость человѣческаго организма. Оно одинаково можетъ быть прилагаемо и къ разлагающемуся трупу умершаго и къ цвѣтущему жизнью и красотой тѣлу юноши.

Христіанскій взглядъ на тѣло (*σῶμα*) противоположенъ дуалистическому воззрѣнію на него, какъ на начало, не только злое, но и единственный источникъ всѣхъ золъ. Такое воззрѣніе мы встрѣчаемъ въ будуизмѣ, неоплатонизмѣ и гностицизмѣ. Въ этихъ же ученіяхъ находимъ требованіе аскетизма, направленаго къ разрушенію человѣческой природы. Требованіе это въ названныхъ религіозныхъ и философскихъ системахъ вполнѣ понятно. Если бытіе матеріальнаго міра есть зло, или если цѣль жизни—нирвана, то угашеніе духа и изможденіе плоти получаетъ извѣстный смыслъ. Съ христіанской точки зрѣнія все создано Богомъ совершеннымъ, и тѣло человѣка даже въ большей степени, чѣмъ остальные творенія—«добро зѣло». Оно есть «храмина» (2 Кор. 5, 1, 4; ср. 2 Петр. 1, 14) и «сосудъ» души (2 Кор. 4, 7), причастно тѣлу Христову (1 Кор. 6, 15; Еф. 5, 30), является обителью св. Духа (1 Кор. 5, 19), должно становиться жертвою живою, святою и благоугодною Богу (Рим.—12, 1; ср. 1 Сол. 5, 23).

Терминъ *плоть* (*σὰρξ*) употребляется въ св. писаніи въ самыхъ разнообразныхъ значеніяхъ.

Прежде всего онъ прилагается къ живому человѣческому тѣлу съ плотію и кровію, съ костями и жилами, со всѣми его органическими отправлениями и совершающимися въ немъ фізіологическими процессами (Быт. 2, 23; Лев. 17, 14, Быт. 6, 17; 7, 15, 16, 21). Съ нимъ ассоціируется представленіе о теплотѣ животной жизни, о непрестанной кипучей внутри организма работѣ, о всей совокупности его функцій. Въ особенности данный терминъ характеренъ для той области нашего матеріальнаго бытія, которая имѣетъ ближайшее и непосредственное отношеніе къ духу, иногда его внутренне возбуждая, захватывая въ свою сферу и подчиняя. Это та сто-

рона тѣла, которая служить удобною почвою для возникновенія грѣховъ чувственности, обжорства, пьянства и сладострастья. Дуалистическія религіи и философскія системы признають плоть въ этомъ смыслѣ саму по себѣ чѣмъ-то нечистымъ и сквернымъ.

Христіанству такой взглядъ совершенно чуждъ. Оно учитъ, что можно ѣсть и пить во славу Божию (1 Кор. 10, 31) и благословляетъ бракъ, освящая таинствомъ плотскій союзъ между мужемъ и женою. Но въ то же время оно не можетъ одобрить и ученія современныхъ неохристіанъ, признающихъ плоть равноцѣнной духу, называющихъ ее святой, говорящихъ о св. сладострастии и т. д. По ученію слова Божія, *плоть*, какъ и все созданное Богомъ,—добро, но, тѣмъ не менѣе, она ниже духа и должна подчиняться ему. Если же нормальное отношеніе между ними извращается, если не духъ господствуетъ надъ плотью, а плоть надъ духомъ, она начинаетъ служить источникомъ страстей, унижающихъ человѣка и постыдныхъ для него, какъ разумно-нравственнаго существа. Тогда возникаетъ то направленіе человѣческой жизни, которое въ св. писаніи называется также *плотію*, но уже въ собственномъ порицательномъ значеніи этого слова. Въ послѣднемъ смыслѣ разсматриваемый терминъ обозначаетъ такое состояніе человѣка, при которомъ онъ живетъ преимущественно чувственною стороною своего существа, забывая о высшемъ назначеніи, не имѣя никакихъ идеальныхъ интересовъ. Съ этой точки зрѣнія плотскими людьми должны быть признаны пьяницы, развратники, обжоры,—словомъ тѣ, которые исключительно служатъ чреву и низшему чреву, уподобляясь «скотомъ несмысленнымъ» и даже становясь худшими ихъ. (Рим. 8, 7—10; 7, 5; Гал. 5, 16—17; Еф. 2, 3).

Въ еще болѣе широкомъ смыслѣ слово плоть употребляется въ св. Писаніи для указанія на грѣховное состояніе человѣка, хотя бы таковое и не носило исключительно чувственнаго характера (Быт. 6, 3). Въ такомъ значеніи встрѣчаемъ мы разсматриваемый терминъ у ап. Павла. Въ его посланіяхъ выраженіе «человѣкъ плотской» аналогично выраженію «человѣкъ душевный». Онъ называетъ дѣлами плоти и такіе грѣхи, которые не могутъ быть выводимы изъ чувственной природы человѣка, напримѣръ: идолослуженіе, волшебство, вражду, ссоры, зависть, гнѣвъ, распри, разногласіе, ереси, ненависть (Гал. 5, 12, 21). Наконецъ, терминъ *σάρξ* служитъ для выра-

женія понятія о человѣкѣ вообще со всею совокупностью его не только физическихъ, но и духовныхъ отправленій, для указанія полноты и цѣлостности человѣческой природы. Въ такомъ значеніи употребленъ онъ евангелистомъ Іоанномъ въ первой главѣ: «и слово плоть бысть и вселися въ ны» (стр. 14). Въ такомъ же смыслѣ неоднократно употребляетъ данное слово и ап. Павелъ (Рим. 3, 20; 1 Кор. 1, 29; Гал. 2, 16).

Павель Лавитовъ.

САНКТ-ПЕТЕРБУРГСКАЯ ПРАВОСЛАВНАЯ ДУХОВНАЯ АКАДЕМИЯ

Санкт-Петербургская православная духовная академия Русской Православной Церкви – высшее учебное заведение, целью которого является подготовка священнослужителей, преподавателей духовных учебных заведений и специалистов в области богословских и церковных наук. Подразделениями академии являются: собственно академия, семинария, регентское отделение, иконописное отделение и факультет иностранных студентов.

Проект по созданию электронного архива журнала «Христианское чтение»

Проект осуществляется в рамках процесса компьютеризации Санкт-Петербургской православной духовной академии. В подготовке электронных вариантов номеров журнала принимают участие студенты академии и семинарии. Руководитель проекта – ректор академии епископ Гатчинский Амвросий. Куратор проекта – проректор по научно-богословской работе священник Димитрий Юревич. Материалы журнала подготавливаются в формате pdf, распространяются на компакт-диске и размещаются на сайте академии.

На сайте академии
www.spbda.ru

- события в жизни академии
- сведения о структуре и подразделениях академии
- информация об учебном процессе и научной работе
- библиотека электронных книг для свободной загрузки